

ЮПИТЕР СЕРДИТСЯ

В ответ на публикацию статьи Александра Минкина "Еврейское счастье Поля Робсона" в редакцию поступило письмо известного пианиста Николая Петрова. Публикуем его полностью.

**Главному редактору газеты
"Московский Комсомолец"**

г-ну Гусеву Павлу Николаевичу

Моск. комсомолец - 1995 - Знамя - С.Ф.

В соответствии с 46-й статьей Закона РФ "О средствах массовой информации" требую опубликовать мой ответ на статью А. Минкина "Еврейское счастье Поля Робсона" от 7.10.95 г. Я глубоко возмущен появлением этой публикации. Редакция и автор допустили вопиющее нарушение Закона "О средствах массовой информации" и норм гражданского процессуального права, исключающих постороннее воздействие на суд. Процесс с корпорацией "USSU art group inc" уже более 2-х лет находится на разрешении в суде. Публикация подобной статьи накануне судебного заседания и ее тенденциозное содержание несомненно преследует единственную цель — оказание противозаконного давления на суд. Наша сторона будет требовать от суда вынесения частного определения о грубейшем нарушении Закона "О средствах массовой информации" и злоупотреблении правами журналиста.

**Народный артист СССР, лауреат Гос. Премии России
Президент Академии Российского искусства
Николай ПЕТРОВ.**

Комментировать письмо Николая Петрова несколько затруднительно из-за его, письма, наивности. Эмоции вообще трудно комментировать. Петров не опровергает изложенные мною факты, а сердится за то, что я их изложил. "Требую", "глубоко возмущен", "вопиющее нарушение", "тенденциозное содержание", "противозаконное давление", "грубейшее нарушение", "злоупотребление" — мне кажется, что для письма в несколько строчек это перебор. И не будь сия риторика официальным обращением в газету, можно было бы возразить всего одной известной фразой: "Юпитер, ты сердисься — значит, ты не прав".

Я действительно не знаю, в чем состоит "вопиющее нарушение Закона "О средствах массовой информации", приписанное мне Николаем Петровым. И лишен возможности возразить, поскольку артист не указал, какие именно статьи закона я нарушил и чем.

Я действительно не знаю, в чем состоит мое "вопиющее нарушение норм гражданского процессуального права". Насколько мне известно, Гражданский процессуальный кодекс регламентирует порядок предъявления исков, рассмотрение их в суде, обжалование, но о деятельности журналистов молчит.

На мой взгляд, освещение судебного процесса в печати не есть вмешательство в судебный процесс. Судьи независимы и не должны учитывать в своем решении даже окрики из Кремля, а уж тем более газетные заметки.

В своей статье "Еврейское счастье Поля Робсона" я, на мой взгляд, лишь выполнял свой профессиональный долг: распространял информацию, независимо от того, нравится она кому-либо или нет.

За время упомянутого судебного процесса было опубликовано уже три десятка статей, поддерживающих позицию Петрова (в "Культуре", "Известиях", "Сегодня", "Коммерсанте", "Курантах", "Московских новостях" и т.д.). В том числе сам Николай Петров писал об этом с присущим ему темпераментом в "Независимой газете", газете "Россия", журнале "Столица", "Музыкальном обозрении", "Комсомольской правде"...

Возможно, выход некоторых публикаций происходил незадолго до очередного судебного заседания, но никто не упрекал ни Петрова, ни журналистов, писавших в его поддержку, в том, что они "несомненно преследуют единственную цель — оказание противозаконного давления на суд". Но мне безусловно лестно, что одна моя заметка, по мнению Петрова, перевешивает всё, написанное им и другими в поддержку его позиции.

Я не раз писал о судебных процессах заметки, которые выходили накануне суда. Так было в канун суда над ГКЧП, в канун судебных заседаний по делу "Грачев против Поэгли" — никто не жаловался, не обижался.

В частности, 26 сентября 1995 года вышла моя заметка "Завтра суд над Пашей-М", где я написал, что Грачева за его уклонение от явки в суд пора бы подвергнуть приводу. А 27 сентября адвокат Резник обратился к суду с ходатайством о принудительном приводе Грачева, и суд это ходатайство удовлетворил! Возможно, адвокат и без меня догадался бы потребовать привода, а суд и без моей заметки согласился бы с этим, но теперь этого никто никогда не узнает.

Ко мне не раз обращались адвокаты с просьбой "напечатать что-нибудь этакое накануне процесса". Я охотно соглашался, если позиция, защищаемая адвокатом, соответствовала моим гражданским взглядам. Я не знал, что он тем самым толкает меня на "грубейшее нарушение закона". С точки зрения адвокатской этики толкать человека на преступление — это как-то не очень хорошо.

Если сообщать информацию означает оказывать давление на суд — да, мы оказываем это давление. Но гласно, а не тайно. В печати, а не по телефону. Наши аргументы открыты, и с ними можно спорить, а закулисное давление на суд черным-черно.

Титулы "народный артист", "лауреат", "президент", предшествующие подписи разгневанного Петрова, написаны, вероятно, с целью оказать давление на главного редактора и на читателей "МК", однако с юридической точки зрения они ничего не значат в судебном деле. Звание народного артиста дается за талант (а изредка — за умение быть приятным начальству), но талант — это от Бога и к судебному спору никак не относится. Совместны ли гений и злодейство — вопрос, открытый до сих пор...

Обладая некоторыми журналистскими наградами, я не стану перечислять их перед своим именем и упомяну лишь тот титул, который можно только заработать.

**Александр МИНКИН,
почетный донор СССР.**